

Георг Адольф Эрман: отрывки из путешествий по Камчатке

Тьян Заочная

Когда на Камчатке я работала в Лесной опытной станции, то слышала, что наша каменная береза называется березой Эрмана.

И это всё.

Лишь в Германии, разыскивая в Баварской гос. библиотеке книги по истории Камчатки, я наткнулась на книгу Адольфа Эрмана на немецком языке, то есть на третий том его кругосветных путешествий. Но так как его язык довольно трудно читается, да и большая часть книги посвящена разного рода наблюдениям над растительным миром, минералами и т.п. и найти в ней можно было лишь маленькие вкрапления о встречах с камчадалами, то каждый раз откладывала ее «на потом». И все же после долгих откладываний эти небольшие отрывки мне захотелось если не перевести, то хотя бы пересказать на русском языке, потому что по Камчатке Эрман путешествовал без сопровождения русских, и местные жители в разговорах с ним были откровенны, т.е. не боялись, что кто-то их может подслушать и может быть наказан. Из этих отрывков мы можем узнать о проводимой в то время политике по отношению к ительменам, в особенности губернатора Голенищева.

Коротко об Эрмане¹

Георг Адольф Эрман, немецкий путешественник и физик, родился 12 мая 1806 г. в Берлине, там же он умер 12 июня 1877 г.

В Берлине он изучал естественные науки, а получив степень доктора физики, в 1826 г. устроился на работу в Кёнигсбергский университет.

С 1828 по 1830 гг. Г.А. Эрман совершил кругосветное путешествие по Северной Азии, Тихому и Атлантическому океанам с целью создания сети точных геомагнитных наблюдений Земли.

В августе 1829 г. он прибыл из Охотска на Камчатку, где совершил от Тигильска до Петропавловска месячное путешествие, по пути с восхождением на вулкан Шивелуч.

3 октября он на корабле «Кроткий» Л.А. Гагемейстера отплыл на Аляску. Далее его путь лежал через Тихий и Атлантический океаны.

Во время путешествия Эрман занимался не только геомагнетизмом, но вел наблюдения и исследования в области метеорологии, ботаники, этнографии, геофизиологии. В Сибири он встречался с ссыльными декабристами: В.Ф. Раевским, А.А. Бестужевым. О дружбе Эрмана и Бестужева можно прочесть у Лидии Чуковской «Декабристы – исследователи Сибири», Москва, 1951 г.

1 Из Википедии.

Отрывки из книги Адольфа Эрмана

«Кругосветное путешествие через северную Азию и два океана в 1828, 1829 и 1830 годах»²

Из предисловия

Связь между отдельными наблюдениями на Камчатке, которые Эрман пытался представить в нескольких главах данного тома, отмечена ссылками на страницы (см. номер страницы в скобках в немецком оригинале). Как его собственные обозначения населенных пунктов внутри Камчатки, так и обозначения капитанов Бичи и Литке по восточному побережью, значительно изменили и дополнили ранние графические изображения полуострова. После этого он решил уже много лет тому назад задуманное им решение, сделать наброски и самостоятельно издать физическую карту Камчатки, на которой кроме всего прочего сократить поперечный разрез полуострова от 56 до 58 градуса широты, добавить в ней важнейшие населенные пункты, объяснить вымысли ранних картографов и в первый раз попытаться изобразить тянущиеся в виде цепи вулканические горы. [...] В тексте при необходимости делаются ссылки именно на эту карту, так как издатель описания путешествия не посчитал нужным включить ее в книгу. Он предпочел другие... Одновременно с этим томом изданы 11 литографических рисунков, один из которых имеет прямое отношение к северо-азиатскому искусству, на других же изображены части скал и гор в долине реки Лены, а также потухшие и активные вулканы Камчатки. Эрман выражает большую благодарность своему другу господину Ф.Н. фон Киттлицу, который с большим пылом и добросовестной осторожностью завершил как наброски Эрмана, так и свои личные, сделанные им годом раньше на Камчатке. [...]

Берлин, июнь 1848 г.

А. Эрман

Камчатка

Отрывки из: XVII главы

Тигильское побережье и путешествие через Срединный хребет до Еловки

23 августа 1829 г.

Адольф Эрман в сопровождении четырех казаков прибывает на батах из Тигильска в Седанку. (с. 207)

2 Пересказ с немецкого оригинала: Erman 1833-48. В немецком оригинале Эрман пишет от 1-го лица, как это и подобает в дневниках. Но стиль его языка довольно сложен, и во избежание недоразумений на русском языке я взяла форму пересказа.

24 августа 1829 г.

Седанка

[...] Сопровождавшие его казаки ранним утром отправились назад в Тигильск, но прежде они сказали седанкинцам, что господин Саделов поручил камчадалам повсеместно оказывать Эрману гостеприимство. С этого момента Эрман остался совершенно один, без сопровождения русских. Но только ли такое устное поручение могло способствовать заботливому и самоотверженному приему, оказанному ему по всему полуострову. Между тем такого рода поручения вовсе не требуются, так как дружелюбие, воспоминания о котором, по словам автора, относятся к самым приятным в его жизни, является обычным для живущих на Камчатке людей. В Седанке (как и в других селениях) хотя все пожилые люди и понимали русский язык, но общались между собой на камчадалском, но они сообщали Эрману о содержании своих разговоров из любезности по собственной воле, и причем столько раз, сколько он их об этом просил. (с. 210)

14 сентября 1829 г.

Ушки

В маленьком селении Ушкина или Ушкинский острожек вблизи устья Ушки он обнаружил жизнь камчадалов в их первозданном виде. В последние годы в Каменном острожке (3 мили от Ключей) поселилась семья камчадалов, так как в этом месте русским во время их зимних поездок нужны были собаки и люди. Тойон, у которого он тогда переночевал, высказал мнение, что хотя большинство камчадалов и были крещеными, но некрещенные также хорошие люди как и все остальные. Во время частых поездок люди в Олюторе показались тойону такими же гостеприимными «как и камчадалы», «хотя они и верят в различных чертей и Кутху, чураются христианства, которого не понимают». (с. 397–398)

17 сентября 1829 г.

Толбачинск³

[...] на рассвете Эрман оказался в летнем лагере толбачинских камчадалов. (с. 407)

[...] Также и здесь ему бросилось в глаза распространенное у камчадалов раннее замужество: две еще несовершеннолетние девушки 15-ти лет как по их собственным показаниям, так и глядя по их лицам, были уже замужем. [...] Пожилые мужчины сетовали на то, что даже раннее замужество не спо-

3 Названия мест взяты такими, как они написаны в оригинале.

собствует росту населения, так как рождается больше девочек, чем мальчиков, о чем Эрман уже слышал от мужчин и в других местах. В прошлом году в Толбачинске было всего трое работоспособных мужчин. Но они считают это еще терпимым, нежели меру, предпринятую русским губернатором, вынуждающую жителей полуострова ко всякого рода переселениям.⁴

Еще недавно сюда было переселено несколько семей с западного побережья (из района Большерецка, к которым принадлежал и каюрщик или баговщик Эрмана). Люди с большой горечью жаловались ему на свою судьбу, а на его вопрос – намного ли лучше те места, по которым они так скучают, например, берегов р. Камчатки, – камчадалы отвечали, что считают место своего рождения самым лучшим. Только подчинившись насилию, они покинули его. Они говорили о более ранних временах господства чужестранцев, о которых некоторые пожилые еще хорошо помнили, и были правы, что причину сокращения населения на их земле необходимо искать в событиях того времени. Мерлин, например, вешал всех, когда кто-то сопротивлялся крещению.⁵ (с. 408–410)

19 сентября 1829 г.

Машура

Значительную часть дня прошла за едой, которую приготовила семья тойона Машуры. Эрман уже упоминал и раньше, что звание тойон, которое встречается только у камчадалов, было внедрено русскими, а слово происходит из якутского языка. Должность эта под другим названием была среди этого народа и раньше распространена, но после оккупации показалась завоевателям весьма пригодной: в интересах русских губернаторов. (с. 342)

Но эта система сама по себе является совершенно демократичной, так как камчадалские тойны всегда выбираются общиной и только из заслуживающих всеобщее доверие мужчин. О том, получает ли он или его родственники за это деньги или другое вознаграждение от камчадалов, Эрман никогда не слышал. Напротив, в разговорах в присутствии или отсутствии избранного чувствовалось искреннее и большое уважение, [...] (Прежде всего естественно за честность, кротость и врожденную тонкость знания обычаев). (с. 421–422)

4 В газетных статьях и разных сообщениях русскому правительству г-н Голенищев описывал свои реформаторские усилия как заслуживающие высокой похвалы и полезными: он намеревался привести в движение все население полуострова, в результате которого он надеялся, что наконец-то и восточное побережье будет пригодным для торговли с иностранными кораблями. Естественно, из этих планов ничего другого кроме глубочайшего и справедливейшего негодования камчадалов не вышло. Этого чиновника можно простить только потому, что он не знал хорошо ни страны, ни людей, которых насильственно собирался осчастливить.

5 О Мерлине см. в оригинале с. 409–410.

[...] В зимней юрте и близлежащих к ней балаганах жили члены разросшегося рода тойона Машуры. [...] Молодые люди говорили и понимали только по-камчадалски. Тойон же с гордостью рассказал Эрману, что он лично умеет даже читать по-русски, и только поэтому священник из Верхне-Камчатска посвятил его в церковного старосту.⁶

21 сентября 1829 г.

Кирган

Обида кирганских камчадалов на «правоверных мошенников»-торговцев была весьма серьезной. Они рассказали Эрману, что губернатор также и их вынудил переселиться с восточного побережья полуострова. (с. 464-465)

24 сентября 1829 г.

Милькова

Эрман уже раньше упоминал, что вопреки некоторым хорошим манерам камчатских русских он все же с большой радостью возвращался к настоящим аборигенам (с. 391, 339, 184). Подтверждением тому было невольное хотя и незначительное, но все же отвратительное событие. Проводники, сопровождавшие Эрмана до Шором, перед тем как возвратиться в Милькова, решили утаить чайник, весьма необходимую вещь в дороге. Они сообщили ему, что еще за день до этого потеряли его по дороге. Но когда Эрман записал их имена и пригрозил пожаловаться губернатору в Петропавловске, они уже с никому не нужными извинениями возвратили его хозяину. Стоявшие вокруг них камчадалы выразили свое внутреннее отвращение и посмеялись над их набожностью, в особенности над их постулатом не укради. [...]

В Шоромах как само население, так и их древние обычаи сохранились без изменений и искажений. О четверых русских, давно поселившихся в этом богатом и счастливом месте, говорили, что «они научились жить по-камчадалски». Это были сосланные европейцы, у одного из них можно было распознать разорванную ноздрю, типичную для варнаков того времени. ... Тойон, мужчина лет сорока, отличался от остальных пышными усами, придававшими ему еще больше солидности. Его шестнадцатилетний сын был женат и уже подарил ему внука. Он называл себя Григорием Мерли-

6 Этот титул означает, что также и от тойона Машуры ожидается помощь при переписи населения, так как только в шести русских острогах – Тигильске, Ключевске, Нижне- и Верхне-Камчатске, Большерецке и Петропавловске – были церкви и русские попы, с мудрой умеренностью наслаждавшиеся врожденными нравственными качествами камчадалов, не принуждали их к чрезмерным молитвам или другого рода церковным посягательствам.

ным. Перед отъездом из Машуры Эрман узнал, что и у машурского тойона, камчадала, русская фамилия Мерлин. [...] Гостеприимство и этой семьи⁷ Эрман познал только с лучшей стороны, которое, наверняка нельзя было бы сравнить с первоначальным носителем этой фамилии. У камчадалов был древний обычай давать мальчикам имя Кана, девочкам – Каналам, что означает враг и врагиня, или детям обоего пола – Быргач, что означает проказа, или брюч, означающее погоревший, если один из предков погиб от пожара. (с. 472)

[...] Эрман спросил тойона о произошедшем в Шоромах случае с чернобурой лисицей, рассказанном ему в Охоцке лейтенантом Е.И. Стоговым. Тойон нашел почти возле своего дома мертвую лису. Хотя мех чернобурой лисы очень ценился, он все же не взял ее, так как она была убита неизвестным. Проезжавший же мимо Шором русский взял ее, якобы как подарок. Мерлин до сих пор считает, что это было неправильно. Иногда на дереве между ветвями можно найти мертвого соболя. Но кем он был убит, никто не знает. Даже вороны не трогают его, а охотнику и тем более не подобает брать чужое. (с. 472)

Из Шором в Пушино

[...] пробирались через заросли шеломайника, сладкой травы, здесь называемую учичу. (с. 474–475)

[...] Невероятные мероприятия русских чиновников и алчность русских торговцев оказали также и в Пушино свое влияние на благополучие населения. Тойон рассказал Эрману, что к шести семьям, живущих в Пушино, тем летом (1829 г.) прибавилось еще шесть из Белоголового с западного побережья – опять же по приказу начальника из Петропавловска. Одновременно губернатор посоветовал пушинским переселиться далее к восточному побережью. [...] Переселенцы с западного побережья со слезами вспоминали о своих родных местах, где они беззаботно жили. [...] Белоголовские мужчины и женщины по сравнению с пушинскими были крупнее ростом, по предположению Эрмана возможно от того, что питание там было намного лучше, и они не несли такой изнуряющей службы как каюрство. (с. 476)

[...] После бесед о жизни в Пушино в заключение тойон пожаловался на то, что после эпидемии оспы, унесшей много жизней, они тщетно надеются на рост населения. Тойон объяснил свою точку зрения по поводу того, по-

7 (Сноска у автора: В 1812 г. Добель проезжал через Шоромы, останавливался в доме тойона Конона Мерлина. У него осталось хорошее впечатление как о доме, обставленного со вкусом самодельной мебелью, так и о гостеприимстве хозяев. ... Добеля кроме всего прочего они угощали мясным супом с сараной. ... Добель отмечал, что гостеприимство характерно для всех камчадалов. ...)

чему у камчадалов низкая рождаемость: «Во время посещения русских камчадалы согласно старому обычаю отдают свое жилище в их распоряжение, также сопровождают их в поездках, а потому у них не остается ни времени, ни возможности заниматься любовью». ⁸ (с. 479)

25 сентября 1829 г.

Из Пушино в Ганалы

[...] Ганальский тойон вопреки своей молодости был опытным и счастливым охотником. Он с гордостью показал Эрману рубцы от укусов медведя. (с. 490)

28 сентября 1829 г.

Начика

[...] В Начиках уже в третий раз Эрман встретил камчадалов, переселенцев с западного побережья полуострова. [...] Прошлой весной (1828 г.) по приказу губернатора они были переселены с Хайрюзовской реки. Они рассказали о трудностях в дороге вдоль морского побережья до устья реки Большой. Переселенцы гнали 38 голов крупного рогатого скота (это был казенный скот). В дороге они часто по несколько дней изнемогали от жажды. Особенно тяжело это было для стариков и детей. (с. 528)

Коряки

[...] Коряцкая река в последние годы скудно обеспечивала население рыбой. Благополучие здешних жителей оказалось обманчивым. Дома были высокими и просторными, но камчадалы, у которых Эрман остановился, горько жаловались ему. Последней весной, опять же по приказу губернатора, 20 новых семей были переселены с западного побережья. У них был рогатый скот, заболевший в трудном пути как и их хозяева. Местные жители делились с переселенцами прошлогодней юколой. Но когда весной в реку не пришла рыба, наступил страшный голод. Когда они обратились за помощью к русским, вызвавшим это несчастье, то получили всего 100 фунтов муки на 36 человек! Рыбы, пойманной в запорах в этом году, не хватало для увеличившегося вдвое населения Коряк, а потому 12 человек бежало отсюда. (с. 532–533)

[...] Близость этого населенного пункта камчадалов к европейским как и раньше влекла за собой угнетение. Мужчин из Коряк заставляли работать на строительстве церкви и других учреждений в Петропавловске. А обещан-

8 Почти дословно об этом же говорили в Киргане и позднее в Ганалах.

ный заработок выплатили ничего не стоящими товарами. По рассказам камчадалов, незадолго до этого им вместо 5 рублей выдали бечевку, которой не хватило даже для самой короткой сети. «Таким образом был погашен наш долг казне» – саркастически закончили они свой рассказ. (с. 533)

Старой острог

[...] Три дома Старого (Авачинского) острога были красиво расположены между кустами роз (шиповника?) в лесу из высоких и тонких ив. Здесь поселились ушедшие в отставку матросы, которых камчадалы из Коряк считают виновниками своего бедствия. [...] Они (матросы) ловят рыбу по ночам большими русскими сетями недалеко от впадения реки Коряцкой в Авачу. [...] Якобы доказано, что только «предприимчивый лов такими сетями» является причиной того, что лосось уходит в другое русло. Запоры же не мешают лососю подниматься по той реке вверх, куда они обычно заходят. Эрман предполагает, что речь идет, наверное, об европейском типе сетей – неводах, применяемых на Камчатке с недавнего времени. Так называемые плавающие сети камчадалы используют с незапамятных времен и без вреда для рыбы, в то время как европейский тип полностью и навсегда затормозил ход лосося уже во многих местах земли.⁹ (с. 541)

Петропавловская бухта

[...] Около 10 часов вечера Эрман и его сопровождающие приблизились к Петропавловску. Русский матрос, ожидавший его, сопровождал Эрмана к дому бывшего губернатора капитана Станицкого, где тот встретил другого немецкого путешественника из Риги Георга Ридера.¹⁰ (с. 546)

[...] Переодевшись в европейскую одежду, Ерман появился в доме губернатора Голенищева, где по случаю прихода военного корабля «Кроткий» во главе капитана Гагемейстера, было большое веселье с театром и танцами. (с. 547–548)

3 октября 1829 г.

[...] на «Кротком» Эрман покидает Камчатку.¹¹

9 Комментарий Тьян – уже тогда к 1829 г.!

10 Садовник Георг Ридер был послан на Камчатку для проведения опытов (1829-1830 гг.), чтобы узнать, что из овощей, зерновых можно выращивать. (П.В. Добель, Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манител и Индо-китайском архипелаге. М., Восточный дом. 2002)

11 Из Википедии.

Литература

Erman, Georg Adolf 1833-1848. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin: Reimer.